

Неточности в описании семантики, вызванные восприятием диалектной лексики сквозь призму литературного языка: несколько примеров из восточнославянских диалектных словарей

1. Составление диалектного словаря — весьма трудоемкая работа, в ходе которой практически невозможно избежать неточностей и ошибок. Некоторые из таких неточностей связаны с тем, что при описании семантики диалектной лексики, даже если словарь является недифференциальным, внимание исследователя, как правило, сфокусировано на словах, отсутствующих в литературном языке или серьезно отличающихся от своих литературных когнатов.

В данной статье мы планируем на четырех примерах из Туровского и Дедулинского словарей показать, как восприятие диалектной лексики сквозь призму литературного языка может привести к некоторым ложным выводам и упущениям.

Туровский словарь, выпущенный в 1982–1987 гг. в пяти томах, является недифференциальным, то есть представляет из себя попытку отразить полный лексический состав говора Тулова и окрестностей.

2. Рассмотрим семантику туровских слов *лой* и *сáло*. В Туровском словаре диалектное слово *лой* толкуется как «лой, тлушч» (ТС 3: 40), а *сáло* как «сала» (ТС 5: 10). В литературном белорусском слово «лой» обозначает говяжий или бараний нутряной жир (ТСБЛМ 2002: 321), «сала» — жировые отложения в теле живого организма, а также продукт из них (ТСБЛМ 2002: 580), а полонизм «тлушч» является общим обозначением жира.

Однако если мы внимательно присмотримся к контекстам для *лой* и *сáло*, доступных в Туровском словаре, то выясняется, что значения этих слов значительно отличаются от их когнатов в литературном белорусском.

Так, слово *сáло* действительно может относиться к свиному жиру, в том числе как еде:

(1) Сáло бу́ло на до́лю на ё́м, на ка́бану (ТС 5: 10);

(2) На снёда́нье сáло жа́рыць, карто́плі чы́шчэны́е з со́лоным гу́рком (ТС 2: 59).

Однако семантика слова *сáло* в туровском говоре значительно шире, чем в литературном белорусском, оно обозначает также куриный, гусиный, рыбный, барсучий и ежовый жир¹:

¹ Мы приводим не все примеры, имеющиеся в словаре.

- (3) Сало ў куры, сало і ў гусе, а ў козы, корову і овечкі — лой (ТС 5: 10);
 (4) Усю гэту опух вуцягвае козінэ сало (ТС 5: 3: 263);
 (5) Гусінэ сало не порціцца (ТС 1: 238);
 (6) Морозіну гусіным салом помажэш, то буйстро гоіць (ТС 1: 210);
 (7) Борсуковое сало пілі от сухот (ТС 1: 7);
 (8) Хворэў, то нараілі ежовэ сало (ТС 3: 155);
 (9) Сом, у ём толькі хвост жырны, розрэж, то сало й польецца (ТС 4: 144);
 (10) Да ўжэ, як посушым, положом на солому ў печ, да посохнуць, то с хвостоў капае сало (ТС 1: 249) (о вьюнах).

Этимологически праславянское *lōjъ восходит к глаголу *liti «лить» (ЭССЯ 15: 259–262) и первоначально, вероятно, означало «топленый жир». Это значение сохраняется в выражении *залиць лою за шкуру* «побить»² (ТС 3: 40). Однако оно имеет значительно более широкое значение и применяется к козьему, говяжьему, бараньему и медвежьему жиру:

- (11) Сало ў куры, сало і ў гусе, а ў козы, корову і овечкі — лой (ТС 5: 10);
 (12) От сьітое цяля — лою багато! (ТС 3: 40);
 (13) Як хто дэръжыць овечкі, то й лой е (ТС 3: 40);
 (14) А медзвэдзіца шчэ не набрала лою, шчэ ходзіць — осцерэгайса (ТС 3: 40);
 (15) На сенцэ — гной, то на короўку — лой (ТС 3: 40);
 (16) Овечы лой под нёбом у роце закожавеў (ТС 2: 100).

Однажды *лой* используется при описании человеческого жира, возможно, с пейоративным оттенком:

- (17) У ёго лой скуру под'еў (ТС 5: 52).

Приведенные примеры показывают, что семантика слов *сало* и *лой* в говорах окрестностей Турова значительно шире, чем у их литературных когнатов, что делает описание этих слов в Туровском словаре некорректным. Контексты дают основание предположить, что *сало* в туровских говорах применяется к жиру с высокой температурой затвердевания, а *лой* — с низкой, что отражается в структуре и консистенции этих жиров.

Это подтверждается следующими контекстами:

- (18) Лой скоро захоладвае (ТС 3: 40);
 (19) Лой уверху у роце зноў закожавеў³, ек охолодаў (ТС 5: 174).

3. Еще одним интересным случаем является описание в Туровском словаре семантики слова *горá*.

² В литературном белорусском этому выражению соответствует *залиць сала за скуру* (ТСБЛМ 2002: 580).

³ = затвердел.

Следует отметить, что в окрестностях Турова нет гор, и самая высокая точка Гомельской области лежит лишь в 220 метрах над уровнем моря. Вероятно, это послужило причиной того, что авторы Туровского словаря описали слово *гора* как «гарышча; узвышша, пагорак» (ТС 1: 218), т. е. возвышенности, которые информанты обозначали словом *гора* (в этом значении оно встречается в словаре около 30 раз), в представлении носителей литературного белорусского являются скорее холмами. Однако разница между «холмом» и «горой» является в первую очередь относительной: «гора» — это более высокая форма рельефа, а «холм» — более низкая. Конкретные высоты, по которым проходит граница, зависят от места проживания информанта.

В словаре нам встретился контекст, указывающий на наличие такого противопоставления в туровских говорах:

(20) От этое горы́ да́лей пагурок, урочышчы Лі́пкі (ТС 4: 6).

Кроме того, *гора* характеризуется как высокая:

(21) Вусока гора, шо му попобраліса на ту го́ру (ТС 4: 170).

Слово *гора* часто встречается в загадках и пословицах, в поговорке оно противопоставлено долине:

(22) Не зроўняй, божа, го́ру з до́ліно́ю (ТС 2: 167).

К сожалению, контексты, приведенные в словаре, не позволяют сказать, какое слово носители окрестностей Турова используют для описания по-настоящему высоких гор, расположенных за пределами Белоруссии, а также какое слово употребляется в сказках, однако с высокой долей вероятности это именно *гора*, и его описание в словаре является неполным.

4. Перейдем к примерам из Деулинского словаря. Первым из них является слово *кал'энка*.

Деулинский словарь, в отличие от Туровского, является дифференциальным, и в отдельные статьи в нем выносятся только те слова, которые формально или семантически как-то отличаются от литературного русского. Интересным случаем, когда этого не было сделано, являются слова *кал'эна* и *кал'энка*. В отличие от литературного языка *кал'эна* употребляется ограниченно, исключительно для обозначения высоты чего-либо в сочетании с предлогами и только во множественном числе (*дъ кал'эна, ф кал'эна, пь кал'эна*) либо в составе выражения *с'ес'т' нь кал'эна* «встать на колени», например:

(23) Вьласа́ дъ кал'э́н (ДС: 133);

(24) Брад'и́л пь кал'э́нь ф салом'и́ (ДС: 67);

(25) пь кал'э́на в р'аку́ зьбр'адáиша (ДС: 173);

(26) Фч'ара́ л'ил, в үр'атках-та вады́ ф кал'э́на на́л'ал (ДС: 218);

(27) нъ кал'ѣн'и с'ѣла (ДС: 511).

При этом основным обозначением колена как части тела является *кал'ѣнка*:

(28) Ёа ат кал'ѣнк'и пр'ама кр'ич'у (ДС: 228);

(29) Фс'е кал'ѣнк'и пьмароз'ила (ДС: 223);

(30) Он з бан'икъм, д'ет, ход'ит', а б'из бан'икъ н'ъ дайд'от', у н'аво кал'ѣнкъ ап'ухл'и (ДС: 48);

(31) Он ад'ѣл д'ѣдава пал'то, фс'е кал'ѣнк'и нъгал'ѣ (ДС: 364);

(32) Науá у кал'ѣнк'и хърашо ун'оцца (ДС: 541).

Это распределение соблюдается достаточно строго (во всяком случае, нам не удалось найти контрпримеров). По всей видимости, мы имеем дело с обычным для славянских языков вытеснением диминутивом⁴ старой формы с сохранением ее в периферийном значении. Согласно реализуемому в словаре подходу, в этом случае слово *коленка* должно было получить отдельную статью, ср. случаи с *ящерка* «ящерица» (ДС: 611), *горстка* «горсть» (ДС: 124); *печѣнка* «печень / сгустки крови» (ДС: 401); *заботка* «забота» (ДС: 173). Однако, вероятно, в ситуации с *колено* — *коленка* формы типа *пъ кал'ѣна*, аналогичные литературным, «усыпили бдительность» исследователей, и замена старой формы на диминутив не была обнаружена.

5. Отдельной статьи в Деулинском словаре не удостоилось и слово *лунá*, хотя его значение, вероятно, отличается от литературного. В словаре оно встретилось лишь дважды, причем один раз информант, видимо, употребил его, чтобы пояснить для исследователя значение слова *м'ѣс'иц*, служащего в деулинском говоре как основное обозначение луны, что довольно характерно для южнорусских говоров:

(33) Ш'ш'ас м'ѣс'иц фстáн'ит', он пр'им'аркайт', а в'идна, ш'ш'ас т'омна, а то пвъ'идн'еит'... Лунá пр'им'аркайт' (ДС: 457).

Второй контекст показывает, что для слова *лунá* в деулинском говоре скорее характерно значение «зарница»:

(34) Ноч' н'анасн'ѣй, тóмн'ѣя, ана адна лунá истухáит', друуáйъ зъуáрайт' (ДС: 213).

Такое распределение значений слов *лунá* и *м'ѣс'иц* нередко в русских говорах (СРНГ 17: 193), и, согласно, заявленным принципам построения словаря, в Деулинском словаре *лунá* должна была получить отдельную словарную статью, однако, по-видимому, первый из приведенных выше контекстов сбил исследователей с толку.

⁴ Ср. праславянские примеры *sirdi — *sirdiko > *сыгдысе 'сердце', *owis — *owikā > *овьса 'овца', а также замена в современном разговорном русском *пята* на *пятка* и *сельдь* на *селёдка*.

6. Из четырех проанализированных примеров в трех случаях неточности были вызваны приравнением значения диалектного слова к значению его литературного аналога, а один (*гора* в Туровском словаре) — наоборот, поиском отличий в ситуации, где их вряд ли можно усмотреть. Однако все четыре раза исследователей подвело мнимое или реальное сходство диалектных и литературных форм.

Мы не проводили полного исследования материала Туровского и Деулинского словарей, поэтому подобных неточностей в них, скорее всего, значительно больше, что само по себе может являться темой отдельного исследования. Немаловажно, что проблемы, аналогичные описанным выше, особенно в случаях дифференциальных словарей, значительно меньше бросаются читателю в глаза, чем иные типы ошибок.

Литература

- ДС — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.
 СРНГ 17 — Словарь русских народных говоров. Л., 1981. Т. 17.
 ТС 1–5 — Тураўскі слоўнік. Мінск: Навука і тэхніка, 1982–1987. Т. 1–5.
 ТСБЛМ 2002 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 2002.
 ЭССЯ 15 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1988. Т. 15.

Summary

Mikhail Saenko

Inaccuracies in the description of dialect lexis semantics, caused by literary language interference. A few examples from the East Slavic dialect dictionaries

The article looks at four examples of inaccurate description of semantics in two East Slavic dialect dictionaries: *лой* / *сало* and *гора* in the Turov dictionary, *колена* / *коленка* and *луна* in the Deulino dictionary. A detailed analysis shows that *лой* and *сало*'s semantics are significantly wider and it is very plausible that they are opposed to each other in a much different way from their literary Belarusian analogues. On the contrary, there is no evidence to support the dictionary's claim that *гора*'s meaning is different from its literary Belarusian analogue. In the Deulino dialect we observe the situation when the diminutive *коленка* has replaced the old form *колена* as the basic term for *knee*, while the latter is now mainly used only in set expressions. In this dialect the word *луна* does not mean *moon*, but it is used for summer lightning designation, as is often the case in many other Russian dialects. Neither of these facts is mentioned in the dictionary.